

О месте и роли новых знаний в жизни общества

Проблема понимания нового, как предмет научного исследования приобретает особую актуальность на современном этапе развития общества. Дело не сводится к тому, что мы живем в эпоху развитых технологий, стимулирующих увеличение доли умственного, интеллектуального труда, стремление к получению высшего образования, рост значимости интеллектуальных профессий. Но не вызывает сомнения, что понимание нового выражается в отказе от устаревших форм и способов существования.

Поэтому, не удивителен интерес к этой проблеме социологов, социальных психологов, неоднократно обращавшихся к исследованию причин, последствий и средств преодоления «барьера» в понимании социумом новых научных открытий.

Актуальность данного вопроса определяется тем, что с самим пониманием нового происходят важные, не до конца осмысленные в научной литературе и общественном сознании изменения, которые сами по себе заслуживают пристального внимания. В настоящих условиях, связанных с инновационными открытиями ученых, наука обретает новые ранее будто бы не свойственные ей качества. Какова природа этих изменений? Какие это качества? Эти вопросы нуждаются сегодня в осмыслении и требуют более определенных и четких ответов, чем те которые даются публицистикой и участниками квазинаучных дискуссий. Рождается ли новое понимание науки в старом ее понимании?

Глобальные социально-экономические преобразования в современном обществе вывели на новый уровень существующую с момента возникновения цивилизации проблему взаимоотношений творческой личности и социума, что в целом связано с ростом значения так называемого «человеческого фактора» в экономике, политике и культуре. Согласно формулировке Э. Гидденса, «современности присущ глобализм». Иными словами, изменения базовых парадигм восприятия мира, связанные с процессами глобализации, привели к формированию концепции знания, существенно отличной от предшествующей. При более детальном рассмотрении это позволяет говорить о кристаллизации нового "идеального типа". Согласно М.Веберу, идеальный тип не есть непосредственное отражение действительности, но некоторая мыслительная конструкция, некоторая «утопия», с которой сравнивают и сопоставляют действительность, некоторая «гипотеза гипотез», расхождение или совпадение которой с действительностью позволяет выявить причинные связи процесса развития.

Если опираться на традицию в социологии, то вполне можно прийти к выводу, что "линейные" характеристики общественного развития, привычные шкалы и эталоны более не действуют. Это связано с перерождением общества на всех его структурных "этажах" и с необратимым видоизменением внутренних феноменологических конструкций массового сознания. Речь идет о чем-то совершенно новом и не подпадающем под известные образцы, о качественно иной композиции общества, о превращенной системе координат.

Наша исходная позиция состоит в том, что понимание нового на всех исторических периодах не было единым, а представляло собой довольно сложную совокупность представлений разных групп о месте и роли новых знаний в жизни общества. Эта характеристика справедлива не только в историческом плане, но и применительно к современным реалиям. Так как в состав групп входят индивиды со сходными параметрами властных полномочий, владения собственностью, человеческого, культурного и социального капиталов; они обладают сходными потребностями и интересами, общими социальными нормами и ценностями; взаимной идентификацией; сходной мотивацией; символами; стилем жизни. Что касается вопроса о показателях той или иной группы, то, прежде всего, следует заметить, что эти группы выступают субъектами и объектами реальных отношений, для них характерны гомогенность по основным статусным характеристикам, способность к самовоспроизводству и отличная от других групп система социальных связей.

Социологический аспект проблемы понимания новых знаний в жизни общества выражен как двусторонний процесс: результат встречной активности понимания нового и социальной среды.

По мнению М.Чикзентмихайи [28], без экспертов и общества человек и результат его деятельности просто не распознаются и не считаются творческими. Данный подход является особенно значимым, поскольку в нем подчеркивается не только роль общества в создании оптимальных условий для творчества, но и необходимость социального признания созданного продукта или новой идеи для того, чтобы они считались творческими. В аналогичной теории Д. К. Саймонтона [33], [34] также утверждается, что индивидуумы становятся творческими только после того, как они произведут впечатление на социум и убедят окружающих в своей креативности. М. Родес [32], помимо необходимости для всех творческих нововведений соответствовать потребностям социума, указывает на еще одно дополнительное условие: само общество должно находиться на достаточно высоком уровне развития культуры, чтобы быть способным адекватно оценить представленный творческий продукт или идею.

Для отечественной науки также характерно подчеркивание роли социума в принятии нового. В.Ф. Овчинников [20] указывает, что «если взлет ярко выраженного таланта совпадает с потребностями общества в таком его проявлении и оставляет след в своей области, то он становится гениальностью. К. К. Платонов также обосновывает идею, что гений – понятие не психологическое, а социальное [21].

Отдельно следует отметить труды, содержащие важный эмпирический материал, касающийся изучения российских ученых. Так большим научным значением в рамках рассматриваемой темы обладают материалы и теоретические разработки А.В. Юревича, [24]. В работе описываются основные формы и результаты адаптации российской науки к отечественному варианту рыночной экономики, рыночные способы ее организации (научные парки и т.д.), главные препятствия развитию отечественного рынка наукоемкой продукции.

Исследованию интеллектуального слоя в советском обществе посвящена монография С.В. Волкова [5]. Ценность работы заключается в огромном массиве данных, который был использован С.В. Волковым (статистическая информация).

Эмпирические материалы, обладающие определенной ценностью для понимания инновационных открытий обществом современности, опубликованы в книге Ф.Э. Шереги [23]. В ней представлены результаты нескольких социологических исследований, проведенных автором в 1998-2000 гг. Большинство исследований имеют общероссийский характер. В книге отображены актуальные социальные проблемы научных работников.

В настоящее время преобладает представление об определяющей роли социума для реализации понимания гениальности и о зависимости уровня соотношения нового с уже известным «творческим» продуктом или идеей. Не вызывает сомнения, что понимание нового выражается в отказе от устаревших форм и способов существования. Ранее чаще всего, это отношение проявлялось в первоначальном неприятии великих творений с последующим (чаще всего слишком поздним для их создателей) признанием, восхищением и почитанием. Уместно вспомнить горестное высказывание Макса Планка о том, что новое знание не принимается учеными, а просто носители старого вымирают и тем самым освобождают простор новому. Новое всегда выступало (и все еще выступает) отклонением от нормы, стандарта, шаблона поведения или мышления и потому нередко воспринимается как аномалия. При этом, чем значительнее новое отличается от привычного, обыденного, усвоенного, тем аномальнее оно выглядит.

Эта проблема до конца жизни волновала Дюркгейма не только как ученого, но и как гражданина. «...Прежние боги стареют или умирают, а новые не родились», - с тревогой писал он в 1912 году.

Различные области жизни современного общества оказывают друг на друга равное по значимости влияние, поэтому при принятии нового открытия социальная реальность либо соответствует законам общественного развития, являясь "естественной", либо недостаточно адекватна им, а то и вступает в противоречие из-за искаженного в ее видении их - классово

ограниченного, религиозного, субъективистского, мифологизированного - отражения объективных закономерностей.

Здесь возникает интересный вопрос: как делаются открытия? Открытия, и иногда выдающиеся, совершаются в разных областях жизни. Прежде всего это видно на примере науки, но и в других областях они, естественно, тоже есть, например, какое-то изменение в технологическом процессе на заводе или в обществе. Нагляднее всего совершение открытий видно, пожалуй, на примере науки. Это соответствует двум аспектам функционирования науки: как познавательной деятельности и как социального института. Среди идеалов и норм науки можно выделить два взаимосвязанных блока: а) собственно познавательные установки, которые регулируют процесс воспроизведения объекта в различных формах научного знания; б) социальные нормативы, которые фиксируют роль науки, и ее ценность для общественной жизни на определенном этапе исторического развития. Идеалы и нормы регулируют становление и развитие специальной картины мира различных наук.

Ученый рассматривается, как активный создатель своего субъективного мира, конструирующий и проверяющий гипотезы о внешнем мире. Мы исходим из наличия связи творчества и конструктивной способности воображения [16]. Но необходимо учитывать, что внутри единого замысла в понимании нового, каким бы он ни был, всегда существует инаковость индивидуального мышления конкретного ученого. Та как все, что считается стоящим вне потока времени, социум рассматривает, как субъективное примышление к уже устоявшимся опытам, не имеющее объективного коррелата. Но научные факты – не просто события и явления, которые необходимо лишь зарегистрировать и «собрать» с тем, чтобы впоследствии установить какую-нибудь научную закономерность или зависимость. В опыте нам дана лишь смена одного события другим во времени, но не сила порождающая действие. Это связано с тем, что большинство вопросов, возникающих в реальной исследовательской практике, не могут быть решены без обращения к более широким представлениям о том, что в данном случае может служить критерием истинности или обоснованности, какие факты следует считать релевантными, то есть относящимися к проверяемой теории, а какие – случайными ошибками наблюдения, и.т.п. Также необходимо отметить, что непосредственным источником самих нормативных стандартов и критериев служат не только абстрактные и универсальные конструкции формальной логики, но и реальная, «ситуативная» логика конкретного исследования, принимающая во внимание его цели, происхождение стоящей перед ученым научной проблемы, доступные теоретические и технические ресурсы, также научный фон исследования – исследовательская программа, в рамках которой замысел, методика и результаты приобретают свой подлинный смысл.

В рамках «обычного» научного процесса, за многие столетия выработаны множество методик, специальных приемов, техник, правил, наконец, множество научных приборов и устройств, которые многократно повышают эффективность научного поиска. Для кардинально более качественного и результативного на уровне гениальности научного творчества, к сожалению, до сей поры не наработано каких-то общих гениальных приемов, методологий и.т.д. Поэтому каждый гений вынужден выработать свой инструментарий творчества.

Исходя из вышеизложенного, исследования индивидуальных различий у гениев является еще мало изученным аспектом. Следует также отметить, что в настоящее время значительное число исследователей для этого использует следующие методы: традиционный факторный анализ или факторный анализ сходств, интент-анализ. Указанные выше данные методы предназначаются для стабилизации и трансформации общественных структур знаний. Но не принято во внимание, что для всех дискурс исследований выделяется 4 общих признака [Keller R. Diskursforschung. Eine Einleitung fuer sozialwissenschaftlerInnen. Wiesba sozialwiss., 2004,s.] Необходимо заметить, что в отличие от непосредственно исследования этот метод построен на рассуждениях. Также метод интент-анализ построен на основе неосхоластики (Ф.Суарес), определяемой, как оторванное от жизни бесплодное умствование.

Наша цель является не критика, а скорее выявление потенциала этих исследований для более ясной формулировки понимания нового и социальной реальности.

Если признать гениями только тех, кто почти единогласно признан ими в Европе и Северной Америке, то общее число гениев за все время существования нашей цивилизации едва ли превысит 400-500. Примерно к таким цифрам приводит отбор знаменитостей, которым уделено максимальное место в энциклопедиях разных стран Европы и США, если из числа этих знаменитостей вычесть тех, кто попал в историю из-за знатности или по другим случайным заслугам.

По материалам из Википедии-свободной энциклопедии, гениальность-предельно допустимая демонстрация творимого потенциала человеческого мозга и организма.

В третьем издании БСЭ (1971) в статье «Гениальность» не содержится какого-либо перечня гениев, но гениальность определяется как «наивысшая степень проявления творческих сил человека». «Термин «гениальность» употребляется как для обозначения способности человека к творчеству, так и для оценки результатов его деятельности, предполагая врожденную способность к продуктивной деятельности, предполагая врожденную способность к продуктивной деятельности в той или иной области. Гений, в отличие от таланта, представляет собой не просто высшую степень одаренности, а связан с созданием качественно новых творений. Деятельность гения реализуется в определенном историческом контексте жизни человеческого общества, из которого гений черпает материал для своего творчества».

«Творчество-в прямом смысле-есть созидание нового. В таком значении это слово могло быть применено ко всем процессам органической и неорганической жизни, ибо жизнь-это ряд непрерывных изменений, и все обновляющееся, все зарождающееся в природе есть продукт творческих сил. Но понятие творчества предполагает личное начало, и соответствующее ему слово употребляется по преимуществу в применении к деятельности человека. В этом общепринятом смысле творчество-условный термин для обозначения психического акта, выражающегося в воплощении, воспроизведении или комбинации данных нашего сознания (относительно) новой форме, в области отвлеченной мысли, художественной и практической деятельности» (Батюшков Ф.Д., 1901г., с.11) [4].

Всякое обращение к теме нового и роли гениев в истории и культуре почти автоматически вызывает в памяти знакомые ярлыки и штампы: «гений и толпа», «вождь и массы»... Что дает повод к возникновению мнения: гениальность немислима без социума. Далее мы будем говорить не о гениях как таковых, а о том, как представляется образ гениальности в массовом сознании. Прежде всего, это выражается в том, что по данному вопросу мы не имеем общественного мнения. Однако, массовое сознание все-таки существует как некоторый социальный феномен и важный социальный феномен, с которым любая общественная сила элитарного порядка должна соотносить свои действия, интересы, стремления, установки и т. д. и т. п.

Дело в том, что идеи гения во многих случаях представляют из себя такой концентрат, который просто не может быть здесь и сейчас переварен и воспринят абсолютным большинством. Гениальность надо рассматривать и как явление во времени.

При этом Гений многим кажется необычным, да он и есть по-своему явление незаурядное, яркое, чем-то непостижимое в своей творческой мощи (под гениальностью понимается именно сверхъестественный, самобытный талант, а не просто высокий уровень интеллекта). Человек рассматривается как активный создатель своего субъективного мира, конструирующий и проверяющий гипотезы о внешнем мире.

Это сверхконцентрация на идее, плюс результат, выходящий за рамки науки в текущий момент времени. Можно сказать, гений попадает в цель, которую никто не видит.

Для нашего обывательского восприятия таких гениев не очень легко воспринимать. Так как, представления на которых мы воспитаны имеют логический характер. Есть «да», «нет», «черное», «белое». Есть «хорошо», «плохо». Эти представления, как правило, бинарны, двоичны.

При принятии новых знаний происходят важные, не до конца осмысленные в научной литературе и общественном сознании изменения, которые сами по себе заслуживают пристального внимания.

В этом нет ничего удивительного, так как в настоящее время многими учеными делаются попытки к установлению большего взаимопонимания между наукой и религией, проводятся, например, конференции с участием представителей церкви, и ученых, публикуются труды, этих конференций. Иными словами, наука становится более религиозной, а религия более научной.

У древних никогда не разделялась наука, религия и философия. Наука была религиозной, религия научной, а философия, как научной, так и религиозной.

«Наука не занимается поиском причин. Наука занимается поиском закономерностей» (Беркли). Мы не можем ответить, почему законы мира такие, а не другие, почему, например, сила действия равна силе противодействия. А сила тока равна напряжению, деленному на сопротивление. Итак, - на вопрос «Почему?» наука не отвечает, а ищет закономерности. В свою очередь, религия отвечает на вопрос «Почему?». И все религии этот вопрос решили и ответили на него. Ответ такой: - «Такова воля Божия!».

В конце 19 века русский мыслитель Николай Федоров, разработал целую философию, краеугольным камнем которой является учение о воскрешении отцов сынами.

В истории человечества, он не первый заговорил об этом. В целом ряд религий, мифологий, особенно восточных говорится о положениях и возможностях длительного пребывания души в физическом теле о возвращении в него после перехода в иные миры.

Пример настоящего времени. Это наш современник, профессор, д.т.н., д.ф.-м.н Григорий Грабовой. Его многочисленные труды, открытия, проекты, экспериментальные исследования в области математики, естественных наук, механики поистине удивительны и на многие века опередили время своего претворения в жизнь. Известно, что сильнейшие физики и математики тратят месяцы труда, чтобы разобраться в действиях, которые нужно произвести для последовательного вывода формул, которые ученый обозначает словами «просто следует...».

В первую очередь его научные труды включают в себя и научную часть и религиозную. Такая двойственность оказывается чрезвычайно важной и функциональной, позволяя незаметным образом связывать, по правилам научной логики работу на профессиональной основе, связанную со сложным умственным трудом в сфере материального и духовного производства.

Также интересен факт открытия профессором д.т.н., д.ф.-м.н. Г. Грабовым парадигмы созидательного развития, отличной от миропонимания и мироустройства материалистической диалектики, где физические, философские, психологические, религиозные, социально-общественные законы аспектируют по законам равновесности систем «противоположности суть не противоречие, а дополнение».

Ученый создал сложное учение о мироздании, которое способно дать исчерпывающее обоснование каждому виду его работ. Его Учение содержит материальный и духовный носитель. Это Учение академика Грабового «О спасении и гармоничном развитии», в котором доказано, что сознание человека способно не только отражать реальность посредством ощущения и восприятия, но само по себе является созидательной субстанцией, то есть человек сам может стать творцом своей реальности только в гармоничном статусе. А отсюда следует, что человек, являясь одним из элементов мироздания, в котором все элементы сложно взаимосвязаны, способен воздействовать на другие элементы просто за счет изменения собственного сознания.

Это послужило научным доказательством 15-ти истин аятов, сур, песней, глав Корана, Библии и Торы. Существенный вывод состоит в том, что с опубликованием его научного труда «Воскрешение людей и вечная жизнь - отныне наша реальность!» [7] атеисты лишились более семи своих главных опорных фундаментов противостояния с религией.

То есть, наука в настоящих условиях, связанных с инновационными открытиями обретает новые ранее будто бы не свойственные ей качества.

В частности, когда делается вывод о новой теории, необходимо четко определять методологические основы, на которые опирается ученый, логику его познавательного процесса, то, как он сам интерпретирует свое открытие, понимает его как целое.

Существует мнение, что первоклассные ученые создают гениальные работы, а второстепенные ученые создают первоклассные работы. Однако анализ истории любого открытия, изобретения или крупного творческого акта показывает, что на долю его признанного автора выпадал совершенно необычайный, титанический труд, сразу продвигавший человечество на десятилетия вперед. Если мы примем условно, что гуманитарные ценности в силу ли своего облагораживающего влияния на человечество, в силу объединения духовных сил человечества вокруг общих ценностей, в силу ли создания идеалов, эквивалентны по стоимости ценностям естественнонаучным, а эти последние - техническим, то это даст возможность перейти к реальной оценке вклада гениев в историю.

Иными словами, новые знания принимаются, если взлет ярко выраженного таланта совпадает с потребностями общества. Однако само общество должно находиться на достаточно высоком уровне развития культуры, чтобы быть способным адекватно оценить представленный творческий продукт или идею.

В заключении нами проведена иллюстрация вышеописанного на примере знаменитого «парадокса» Мура.

Нас в этом случае интересует соотношение нового научного открытия и социальной реальности. Основной чертой принятия нового научного открытия является то, что ученый (сделавший это открытие) ставит его в качестве верного по отношению к самому открытию, и более того уверен в качестве правильности его содержания. Интерпретация этого условия следующая: принятие нового социальной реальностью есть «стремление» (aims.at) к правде.

Мур заметил, что следующая фраза является абсурдной:

р имеет место быть, но я считаю, что это не так

(Новое научное открытие имеет место быть, но социум считает, что это не так)

В противоположность этому можно легко утверждать, что

р имеет место быть, но мне кажется, что это не так,

или р имеет место быть, но я делаю вид, что это не так.

(Новое научное открытие имеет место быть, но социуму кажется, что это не так, или социум делает вид, что это не так)

Не возникает также никакой проблемы со следующей фразой:

р имеет место быть, но до настоящего момента я всегда считал, что это не так,

(Новое научное открытие имеет место, но до настоящего момента социум считал, что это не так).

Таким образом, верование (принятие нового научного открытия социумом) стремится к действительности. Однако, можно принять предположение о новом научном открытии не веря в него, а допустить, что в него верить полезно. Мы, однако, сомневаемся в твердой аналитической основе данного различия. Возможно, таким образом, возникает психологический механизм (sunk cost fallacy), рано или поздно трансформирует принятие в верование. Предположим, что в определенных обстоятельствах тот факт, что сегодня принятие нового научного открытия, считаемого социумом ошибочным, приводит к максимизации всех открытий этого гениального ученого в долгосрочном плане. Теперь у него (гениального ученого) есть хорошее основание иметь научное открытие, но это основание является эпистемологическим. Но, как подчеркивает Питер Рейлтон, подобный способ представления вещей является ошибочным, поскольку требует наводки инструментального типа, выражаемой в терминах методов и результатов. Вывод парадокса Мура по отношению к принятию нового заключается в том, что нам запрещено иметь разумные эпистемологически-инструментальные основания в противоположность эпистемологически-последовательным основаниям.

Иными словами, социум должен не просто принять новую парадигму, но и поверить в нее.

Литература:

1. Абульханова-Славская К.А. Социальное мышление личности: проблемы и стратегии. // Психол. журн. 1994. Т. 15. №4. С. 39-55.

2. Абульханова К.Л., Енакиева Р.Р. Российский менталитет, или Игра без правил? (Российско-французские кросскультурные исследования и диалоги) // Российский менталитет. Психология личности, сознание, социальные представления. М., 1996.
3. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка. Событие. Факт. М., 1988г;
4. Батюшков Ф.Д. Творчество// Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1901.с.11
5. Волков С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе М.: ИНИОН РАН, 1999
6. Глухарев Л.И Теория неравновесных систем, М.2006г
7. Грабовой Г.П. Воскрешение людей и вечная жизнь – отныне наша реальность!, М.: изд. А.В. Калашников, 2002.-512с
8. Добраев Л. П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания М., 1982
9. Донцов А. Емельянова Т. концепция социальных представлений в современной французской психологии. М.: МГУ, 1987
10. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. СПб: Питер, 2000
11. Дуаз В. Феномен анкеровки в исследованиях социальной репрезентации // Психол. журн. 1994. Т. 15. №1.
12. Знаков В. В. Основные направления исследования понимания в зарубежной психологии // Вопр. психол. 1986. № 3. С. 163 – 170.
13. Знаков В.В. Типы понимания правды о негативных явлениях 1960—1980 гг. // Психол. журн. 1991. Т. 12. № 3. С. 15 - 29.
14. Знаков В. В. Понимание субъектом правды о моральном проступке другого человека: нормативная этика и психология нравственного сознания // Психол. журн. 1993. Т. 14. № 1. С. 32 - 43.
15. Корель Л. В. Социология адаптаций: этюды апологии. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1997. – 160 с.
16. Кант. И. Критика чистого разума. – Ростов-на/Д.: Феникс, 1999. – с 648
17. Мертон Р. К. Социальная структура и аномия//Социол. исслед.-№ 3.-С.104-114.
18. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд. // Психол. журн. 1995. Т. 16. № 1.С. 3-18; №2. С. 3-14,
19. Мур Д. Принципы этики. М. 1984г
20. Овчинников В. Ф. Творческая личность в контексте русской культуры: Учебное пособие. – Калининград: Калининградский гос. ун-т, 1994. – 88 с.
21. Платонов К. К. Структура и развитие личности. - М.: Наука, 1986. – 254 с
22. Смирнова Н.Л. Исследование имплицитных концепций интеллекта // Психология личности в условиях социальных изменений. М.: ИП РАН, 1993. С.97-103.
23. Шереги Ф.Э. Социология образования: прикладные исследования М.: Изд-во Academia, 2001
24. Юревич А.В. Умные, но бедные: ученые в современной России» М., Московский общественный научный фонд, 1998г
25. Abric J.C., Vacherot G. 1976b, «Methodologie et etude experimentale des representations sociales: tache, partenaire et comportement en situation de jeu», Bulletin de Psychologie, 29, p 63-71.
26. Aldrovanti, M., Beauvois, J.L., Guingouin, G. 1987, «Theories implicates de la personnalite, travail cognitive, et ideologie», in J.L. Beauvois, R.-V. Joule, et J-M. Monteil, Perspectives cognitives et conduits sociaux, Fribourg, Del Val. Arabie, P., Carroll J.D., De Sarbo W.S. 1987, Three-way scaling and clustering, Londres, Sage. Bacher F. 1982, les enquetes en psychologie, 2 vol., Presses universitaires de Lille
27. Addison-Wesley. Beauvois J. L. 1982, «Theories implicates de la personnalite, evaluation et reproduction ideologique», L' Annee Psychologique, 1982, p.513-536/ Beauvois, J.L. 1984, La psychologie quotidienne, Paris, PUF. G. Isaksen. Fronties of Creativity Research: Beyond the Basics. – Buffallo, 1987. – P. 216-222.
28. Davis G. A. Creativity is Forever: 4th ed. – Kendall, 1999. – 346 p
29. Jodelet D. Representation social: Phenomenes, concept et theorie// Psychologie sociale. Paris: Presses Universitaires de France, 1997.

- 30.Meili R. Manuel du diagnostik psychologue, Paris, 1964, p. 355
- 31.Moscovici S. Social influence and social change. L., N.Y., San-Franc.: Acad. Press, 1976.
- Richards R. L. Relationships between Creativity and Psychopathology: An Evaluation and Interpretation of the Evidence // Genetic Psychopathology Monographs. – 1981. – Vol. 103. – P. 261-324.
- 32.Rhodes M. An Analysis of Creativity // S. G. Isaksen. Fronties of Creativity Research: Beyond the Basics. – Buffallo, 1987. – P. 216-222
- 33..Simonton D. K. Creativity, Leadership and Chance // R. G. Sternberg. The Nature of Creativity. – N. Y., 1988. – P. 386-426.
- 34.Sternberg R. Implicit theories of intelligence // Journal of Personality and Social Psychology. N 49. P.607-627.